

На подоконнике он нашел сложенный вдвое лист. Назвать его случайно брошенным черновиком было бы слишком официально, а письмом — слишком легкомысленно. При взгляде на него сердце внезапно совершило безумный кувырок, заколотившись тяжело и быстро, точно взлетающий самолет.

Он подошел ближе, аккуратно взял его кончиками пальцев и разгладил.

За окном качались вязы. Шел дождь, окрашивая мир в унылые сине-зеленые тона, словно сквозь стекло старого объектива.

На блеклом листе четким, летящим почерком было выведено несколько слов. Последний росчерк пера оказался настолько резким, что прорвал бумагу насквозь. В его глазах эта прореха зияла, словно рваная, до кости, рана.

«Я ухожу из этого мира. Все это — гребаное дерьмо.»

В ушах отозвалось оглушительным, оглушающим грохотом.

— Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!

Фан Сынун резко открыл глаза. Воздух с трудом протиснулся в легкие, распирая грудную клетку, словно у пролежавшего сотню лет покойника, решившего внезапно ожить. Нахлынувшая ярость сдавила виски, вызвав мимолетную тошноту. Захотелось немедленно разнести комнату в щепки.

— Тук-тук-тук! Тук-тук-тук! — настырный стук не прекращался.

— Блять, — сквозь зубы выплюнул Фан Сынун.

Он попытался встать, но вторая тапочка куда-то девалась. Тщетно поискав ее глазами, он в ярости пнул кожаный пуфик и зашагал к двери, злобно шлепая одной босой ногой по полу.

То ли из-за кошмара, то ли из-за этого проклятого грохота, бесцеремонно вырвавшего его из сонного оцепенения, сердце колотилось как бешеное, отдаваясь ноющей болью в груди. Разум, конечно, понимал, что всему виной сон, но в его теперешнем состоянии здравый смысл шел глубоко нахер. Весь гнев Фан Сынун перенаправил на виновника шума. Кто бы там ни стоял на пороге — если у этого говнюка нет чертовски уважительной причины ломиться в такую рань, он из этого двора живым не выберется.

Прокручивая в голове кроважанные сценарии, Фан Сынун стиснул зубы и распахнул дверь.

Перед самым его носом застыл занесенный для очередного удара кулак. Над ним показалось симпатичное лицо. Гость попытался было натянуть дежурную улыбку, но, натолкнувшись на тяжелый взгляд хозяина квартиры, мигом струсил. Голос его испуганно дал петуха:

— Брат... ты... ты что, спал?

Увидев, кто пришел, Фан Сынун почувствовал, как раздражение мгновенно взлетело до критической отметки. Насилу удержав себя в руках, чтобы прямо с порога не спустить наглого гостя с лестницы, он сквозь зубы выдавил:

— Чего тебе?

— Брат, у меня дело... Клянусь, невероятно важное! — Пу Тяньбай жалобно сложил ладони перед грудью. — Можно я зайду, а?

Фан Сынун несколько секунд молча буравил его взглядом. Промолчав, он все же нехотя посторонился:

— Заходи.

Впрочем, прозвучало это как «Чтоб ты сдох».

— Понял! — Пу Тяньбай послушно шмыгнул в квартиру и тихонько, словно провинившийся ребенок, примостился на самом краешке дивана.

Фан Сынун вернулся в спальню, выгреб из-под кровати вторую тапочку, а затем набрал в бумажный стаканчик холодной воды. Поставив его перед гостем, он не стал садиться на диван, а просто придвинул стул, стоявший у торшера, и сел напротив.

— Ну? Говори.

Фан Сынун вернулся со смены лишь в шесть утра. Поспать ему удалось от силы часа четыре, да еще и этот дурацкий сон... Сейчас он выглядел измятым и потрепанным, словно старый кожаный портфель. Отрастающая челка лезла в глаза, лицо потемнело от злости. Казалось, его рассудок держится на честном слове: в лучшем случае его можно было принять за буйнопомешанного, в худшем — за затаившегося маньяка.

Пу Тяньбай нервно сглотнул:

— Прости, брат... Я правда не думал, что ты еще спишь...

— К делу, — отрезал Фан Сынун.

Пу Тяньбай осторожно проследил за его реакцией. Ему показалось, что первая волна гнева у хозяина квартиры сошла — хотя, скорее всего, он просто выдавал желаемое за действительное. Но деваться было некуда: начнешь юлить — огребешь еще сильнее. Зажмурившись, он выпалил на одном дыхании:

— Брат... Иньинь пропала.

Фан Сынун скептически хмыкнул:

— Пропала? С чего ты это взял?

— Я уже два месяца не могу до нее дописаться! — горячо возразил Пу Тяньбай.

— А ты уверен, что она тебя просто не бросила?

— Исключено, брат! — замотал головой Пу Тяньбай. — Раньше, когда она обижалась, то мигом блокировала меня во всех соцсетях, даже высказаться не давала. А тут... никаких черных списков. Аккаунты живые. Но она просто не отвечает. Вообще.

Фан Сынун молча разглядывал парня. В душе шевельнулась сложная гамма чувств: и искреннее сочувствие, и горькое узнавание — у них ведь была одна беда на двоих. Он шумно вздохнул, сбавляя тон:

— Может, она просто уехала? Ну там, за границу. А китайскую симку выкинула. — На мгновение он замялся, сомневаясь, не слишком ли резко это прозвучало, но тут же одернул себя. О какой деликатности речь, когда дело касается семейки Юй? Разве эти люди хоть раз поступали по-человечески? Так что он без обиняков закончил: — Наша изнеженная принцесса Юй вполне способна на такой фортель.

— Да нет же! Не в этом дело... — Пу Тяньбай в отчаянии зарылся пятерней в волосы, лицо его совсем скисло. — Я... я ходил к ней домой. Там ни души.

Фан Сынуну этот пустой треп начал надоедать. Он принялся разглядывать свои ногти, затем достал из-под журнального столика кусачки и принялся лениво подравнивать края:

— Значит, съехали всем табором.

Пу Тяньбай осторожно покосился на него:

— Я еще... к Юй... к брату ее ходил.

Кусачки в руках Фан Сынуна замерли. Время в комнате словно остановилось, а воздух сделался тяжелым, почти осязаемым.

Зажмурившись, Пу Тяньбай выпалил на одном дыхании:

— Семь потов сошло, пока я до него достучался. А он только отшучивался и зубы мне заговаривал. Ни единого слова по делу...

— Начни с себя. Подумай хорошенько, где ты успел насолить нашей благородной девице, — ледяным тоном обрубил Фан Сынул. — Раз ее братец на свободе и никуда не делся, значит, ее пропажа — не твое собачье дело. В полиции над тобой только посмеются.

— Да в том-то и дело! То, что плел ее братец, и то, что я видел своими глазами у нее дома, вообще не вяжется... — Пу Тяньбай вдруг мелко задрожал и поднял голову. Глаза его, темные и блестящие, смотрели с пугающей серьезностью. — Брат, я нутром чую: беда стряслась.

Фан Сынул несколько секунд молча буравил его взглядом, после чего спросил, чеканя каждое слово:

— И что, по-твоему, я должен сделать?

— Ты ведь сегодня идешь на прием к Учителю Ваню? Спроси у Юй... ну, у ее брата. — Пу Тяньбай снова молитвенно прижал ладони к лицу, прячась за ними и не смея поднять глаза. Терять ему было нечего, и он заговорил быстро-быстро: — От меня он отмахнулся, но перед тобой кривляться не станет. Мне ведь больше ничего не надо... Просто скажи, жива ли она вообще? Здорова ли?

В комнате повисла тяжелая, звенящая тишина.

Пу Тяньбай осторожно приоткрыл один глаз:

— Брат... я правда в тупике. Помочь больше некому...

— Свали отсюда.

Пу Тяньбай испуганно вжал голову в плечи.

Фан Сынул резко поднялся, нависнув над ним грозовой тучей. Перегнувшись через столик, он вцепился парню в плечо:

— Я сказал — пошел вон нахрен!

Захлопнув дверь, Фан Сынун прислонился к ней спиной. Его колотило. Внутри бешено циркулировала удушливая, раскаленная волна, готовая разорвать кровеносные сосуды. Словно дикий зверь в клетке, он сделал несколько кругов по комнате, с грохотом перевернул пару стульев, после чего выскочил на балкон и лихорадочно закурил.

Погода на улице стояла отличная. Конец лета, одиннадцать часов утра, прозрачный и чистый солнечный свет... Но в это мгновение все вокруг словно подернулось мрачной сине-зеленой дымкой. Он опять провалился в свой сон. Там бесконечно лил дождь, а могильный холод пробирался под кожу, заставляя кости ломить от нестерпимой боли.

Два года прошло с тех пор, как они разошлись. Но стоило вспомнить этого человека, как грудь сдавливалось привычной смесью боли и злости, а пальцы снова начинали предательски дрожать.

Он выкурил три сигареты подряд, пока в горле не запершило. Тело покрылось липким холодным потом, а дрожь так и не унялась. Чертыхнувшись, Фан Сынун зашагал в ванную. Но даже когда на него обрушились тяжелые струи горячей воды, глухая боль не утихла — она колола кожу тысячами мелких игл. Не выдержав, он глухо, утробно зарычал.

Сквозь влажную пелену пара перед глазами вдруг ожива весна его двадцатилетия. Киноакадемия, невысокий забор, утопающий в буйном весеннем цветении, и Юй Цюся. Он обернулся, тепло улыбнулся и одними губами произнес:

— Ну хорошо.

Прекраснее этого голоса он не слышал ничего в своей жизни.

Блять.

Он резко крутанул вентиль душа. Солнечный весенний пейзаж в голове мгновенно рассыпался в прах.

Сука.

Гребаная сука.

Он замер перед раковиной. Постояв так какое-то время, он лениво провел ладонью по запотевшему зеркалу. На него уставилось бледное, изнуренное лицо и лихорадочно блестящие, покрасневшие глаза, прикрытые растрепанной челкой.

Пиздец. Его душевное равновесие трещало по швам. Он балансировал на самом краю пропасти.

Грудь разрывало от невыносимой боли, и в то же время его душил жгучий, неистовый стыд за собственную слабость.

Фан Сынун оперся ладонями о края раковины и шумно, прерывисто задышал. В голове теснились самые грязные ругательства, и все они лавиной обрушились на него самого.

«Два года прошло. Два чертовых года! А ты все еще пускаешь сопли по этому говнюку. Фан Сынун, ну ты и убожество. Просто лучший, блять, так держать.

Тебя вышвырнули за ненужность. Прошло ровно семьсот сорок три дня, а ты до сих пор ломаешь комедию в одиночку. И ради чего? Чтобы потешить свое эго? Чтобы помучить себя? Самому от себя не противно?

Жалкое, убогое трепло. Тварь. Сука.»

Это было невыносимо. Слишком жалко.

Нет.

Нельзя ломаться. Только не сейчас. Это и так выглядит слишком жалко.

Он крепко зажмурился, сделал несколько глубоких вдохов и силой заставил себя выпрямиться, вонзив ногти в ладони. Спустя пару минут дрожь поутихла. Он наклонился и прополоскал рот ледяной водой.

«Видишь, Сынун? Ты можешь держать себя в руках. Все в порядке.»

Все кончено. Прошлого не вернуть. Раз он смог перешагнуть через это, сможешь и ты. Обычный неудачный роман, ничего особенного.

Ничего особенного.

Бах!

В следующий миг он с силой швырнул зубную щетку прямо в стекло. Раздался негромкий хруст. Из-за того, что щетка была слишком легкой, зеркало не разлетелось со звоном, а лишь покрылось сеткой мелких уродливых трещин. Никакого триумфального чувства разрушения, никакого облегчения — только испорченная вещь с уродливым изъяном. Точь-в-точь как он сам: изо всех сил пытается изображать хладнокровие, изнывая от боли; балансирует на грани

безумия, но боится сорваться; серый, скучный и вечно не к месту.

Перед глазами все плыло. Он сделал несколько шагов назад, наткнулся спиной на дверь и медленно сполз по ней вниз, сжавшись в комок на холодном кафеле.

Вскоре по ванной комнате разнеслись тихие, задушенные рыдания.

Пусть за последние годы он и заставил о себе заговорить, а его жизнь перестала быть беспросветной чередой безденежья и хаоса, бывшие раны не проходят бесследно. Прошлого намертво выжгло на нем клеймо вечного неудачника. Сколько бы Фан Сынун ни напускал на себя независимый, холеный вид, рабская убогость сидела в его крови слишком глубоко, не поддаваясь никакому искоренению.

Ему никогда не сделаться похожим на тех холеных, уважаемых господ, что смотрят на мир с безупречной, едва уловимой отстраненностью. На тех, для кого любая душевная травма — лишь стильное украшение, очередной орден на груди. Они слишком богаты, у них слишком много всего. Несчастливая любовь для таких людей — мелкая неприятность, досадное недоразумение, вроде случайного падения на скользкой мостовой. Встретившись на каком-нибудь званом ужине, бывшие любовники могут спокойно обменяться дежурными улыбками, вежливо расспросить друг друга о делах и без капли фальши пожелать счастья в новой жизни.

Но он так не умел.

Истина заключалась в том, что даже спустя два года Фан Сынун так и не смог пережить их разрыв. Тот факт, что Юй Цюся ушел от него, оставался незаживающей раной.

Он до сих пор не понимал, почему все так обернулось, и не представлял, что со всем этим делать.

Он просто продолжал безумно по нему скучать.

<http://bllate.org/book/20607/2105662>